

Андрей Курков

С точки зрения травы

Часть сборника
Тонкая математика страсти
(сборник)

Андрей Курков

С точки зрения травы

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4402215
Тонкая математика страсти: Фолио; Харьков; 2011
ISBN 978-966-03-4757-1*

Аннотация

«С точки зрения травы все хорошее начинается весной и заканчивается осенью, как раз перед снегом.

На село Липовка, что недалеко от Киева, опустился ветреный вечер. Его ветреность была очень кстати – почти в каждом дворе горели костры, в которые, как в топку, крестьяне бросали уже высохшие опавшие листья, обрезанные ветки деревьев, всякий мусор, способный превратиться в дым и немного золы...»

Андрей Курков

С точки зрения травы

Новый, двухтысячный год пришелся на новолуние.

Баба Оля сидела на табуретке перед абрикосовым деревом, держа в рукавице громко тикающий будильник. Ствол дерева был укутан в мужнины одежды, чтобы от мороза не лопнул. Понаблюдав за медленным движением стрелок будильника, она завела его на полночь и опустила на ровный, покрытый коркой снег. Налетел морозный ветерок, и застучали по-картонному друг о дружку таранки, густо свисавшие с голых ветвей абрикоса. «Кто же это мне их во двор подбросил?» – думала баба Оля, глядя на свое новогоднее дерево.

Эпиграф вместо эпилога

С точки зрения травы все хорошее начинается весной и заканчивается осенью, как раз перед снегом.

На село Липовка, что недалеко от Киева, опустился ветреный вечер. Его ветреность была очень кстати – почти в каждом дворе горели костры, в которые, как в топку, крестьяне бросали уже высохшие опавшие листья, обрезанные ветки деревьев, всякий мусор, способный превратиться в дым и немного золы. Ветер смешивал дымы от разных костров в единую вечернюю дымку, которая, в конце концов, уносилась во все еще колхозное поле, начинавшееся сразу за ого-

родом бабы Оли.

Дым, растворенный в воздухе этого вечера, пахнул глубокой осенью. Старик-сосед, бросив в свой костер очередную охапку листьев, воткнул вилы в землю, вдохнул прохладного дымного воздуха и, оцарапав им горло, кашлянул.

Старик-сосед задумался, сосредоточенно шевеля во рту языком. Он пытался определить вкус дыма. Что-то было в этом вкусе более близкое ему, чем обычный дым осеннего костра. Но что? Он покачал головой, посмотрел на вновь вспыхнувшее пламя, снова взял в руки вилы и пошел не спеша к ополовиненной куче листьев. Должно быть, треть всех листьев упала с грецких орехов, росших за домом. Он еще не сжигал их, но уже предвкушал, как очень скоро изменится вкус дыма. Ведь ореховые листья горят вкуснее.

Где-то горели другие костры, и другие крестьяне принимались к вечерней дымке. Кому-то показалось, что дым пахнет солью и копченым. Но они продолжали сжигать свой мусор. Все село жгло листья. А баба Оля сжигала мужа.

Эта история, как и все хорошее с точки зрения травы, началась весной. Правда, было это лет тридцать назад. Именно тогда в этом же дворе, где сейчас горел соленый костер, три дня праздновали свадьбу Оли и Федора. Три дня пили и ели, танцевали под гармонь, падали за сараем поспать. Три дня буйного праздника, а за ними пошла жизнь. Не лучше и не хуже, чем у других.

Федор был мужиком жилистым. Несмотря на свою худо-

бу, он без устали часами мог колоть дрова, заготавливая будущее зимнее тепло. Мог без единой царапины выйти из пьяной драки с цыганами, которые то и дело приезжали в село продать какие-то вещи, видать, ворованные. Продав, они пили и приглашали пить своих постоянных покупателей, одним из которых и был Федор. Ну а напившись, начинали спорить о цене проданных-купленных вещей. Тут уж, конечно, без драки обойтись не могло, хотя цена всегда была низкая, уступчивая и доступная всякому карману. Если в кармане не было денег – у них можно было просто обменять товар на самогон или казенку.

Федору нравилось покупать дешевые вещи, нравилось пить и нравилось драться по пьянке. Но больше всего ему нравилось ловить рыбу. Благо, речка протекала невдалеке, а еще ближе к дому находились два пруда, в которых колхоз когда-то пытался разводить рыбу. Попытка, конечно, не пытка. Начался этот рыбразвод давно, и рыба в прудах была. И по ночам, благодаря отсутствию недавно сокращенного ночного сторожа, местные жители приходили на пруды с ведрами и удочками. И ловили столько, сколько влезало рыбы в ведро.

Оля рыбу не любила. Да и сам Федор признавал ее только в виде таранки. Вернется под утро, выскребет ножом рыбкины потроха, обваляет в соли – и в сарай на веревку. А сам спать.

Этот сарай был рядом с летней кухней, и Оля, готовя еду,

морщилась всякий раз, когда ветерок заносил к ней вялено-соленый запах.

Федор дожидался, пока таранкой можно было отбивать чечетку о деревянный стол, и потом, нанюхавшись ее до дурной улыбки на лице, требовал сварить ему картошки. И с картошкой ее ел. Ел и запивал ершиком – на полстакана водки стакан пива. Это было его счастье.

А Оля варила картошку, стирала белье, выводила на луг корову, молча терпела мужа и делала все, что положено издавна делать сельским женщинам. Жизнь шла простая и трудная, и простота ее трудности была понятной и привычной.

Когда ей стукнуло сорок пять, соседские дети стали звать ее бабой Олей.

Потом наступила независимость. Страна тоже поменяла название. Председатель колхоза уехал куда-то депутатом, а новым председателем колхоза стал его сын.

Оля попыталась разобраться в переменах, но сосед Данила ее успокоил. Сказал, что все будет по-прежнему. Даниле можно было верить – он единственный на их улице выписывал газеты.

И действительно, ничего не изменилось, и жизнь пошла дальше такая же, какой была и до этого. И снова приезжали цыгане с дешевыми поношенными вещами, со ржавыми пилами и топорами. И снова пьянки с драками и раздражающий запах вяленой рыбы из сарая, что рядом с летней кух-

ней. И колорадский жук с колхозного поля прет на ее огород, и спасу от него нету. А Федор спит, и храп его доносится во двор через открытое маленькое окошко их приземистой хаты.

Ночью лежала Оля одна на широкой кровати. Болел позвоночник, уставший сгибать спину, и поэтому сон не шел. Оля лежала и думала, что семейная жизнь ее давно раздвоилась. То есть как бы разделилась на ее семейную жизнь и его семейную жизнь. Она его кормила, обстирывала и практически не видела. А он исправно заготавливал дрова на зиму, по ночам ловил рыбу, днем спал, а вечером то ли с цыганами пил, то ли бродил по селу. Чем он еще занимался? Да ничем. За последние два года только саженец абрикоса посадил в саду. Да и тот усох, не принялся. Так и торчит мертвой палкой.

И вот лежала Оля и думала, что ничего у них нет с Федором общего, кроме этой широкой кровати. Да и на ней они спят по очереди. И детей у них нет. Может, из-за нее, а может, и нет. К врачу ведь она не ходила. Врач далеко, в райцентре. На него нужно целый день тратить. И никакая это не семейная жизнь, а что-то вроде того же колхоза, только каждый свои обязанности добровольно исполняет.

А за открытым окном было тихо. Длилась ночь, и в комнату просачивался из закрытого сарая запах вяленой рыбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.